

Маркиза Гу не сопровождал никто, кроме его доверенного охранника Хуан Чжуна.

Таким образом, Гу Цзяо исключала возможность того, что он пришел для того, чтобы схватить ее.

Но если не для того, чтобы схватить меня, то зачем он здесь появился?

Гу Цзяо не испытывала особой симпатии к этому маркизу, который был так высокомерен и могущественен, а с простолюдинами обращался, как с муравьями, и она крепко сжимала в руках маленького Цзин Куна, настороженно наблюдая за ним.

Если он осмелится причинить им хоть малейший вред, она не против лишить его жизни прямо здесь и сейчас.

Видя враждебность Гу Цзяо, маркиз Гу тихонько кашлянул и искренне сказал: «Этот маркиз здесь не для того, чтобы арестовать тебя, у этого маркиза нет злого умысла».

Гу Цзяо, однако, не обратила внимания на его слова и продолжила смотреть на него с опаской и настороженностью.

Чувства маркиза Гу были очень сложными, с одной стороны, ему было трудно переварить тот факт, что эта девушка, которая снова и снова загоняла его в тупик, была его давно потерянной плотью и кровью, а с другой стороны, ему было немного стыдно вспоминать свое поведение в то время, которое они провели вместе.

Но, несмотря ни на что, раз уж он здесь, он должен был все прояснить.

Маркиз Гу бросил на Хуан Чжуна многозначительный взгляд, и последний отступил.

Маркиз Гу стряхнул несуществующую пыль со своих широких рукавов и сказал: «Моя фамилия Гу, и я маркиз Динъань, маркиз с “Виллы Горячего источника”».

Гу Цзяо уже давно догадалась о его личности, ещё когда они впервые встретились, ведь в его карете сидела Гу Цзиньюй.

Она узнала ее голос.

Казалось маловероятным, чтобы нашелся второй человек, который сидел бы в одной карете с Гу Цзиньюй и именовал бы себя “этим маркизом”.

Позже, когда она встретила его в лесу, то отметила, увидев его лицо вблизи, что оно очень

похоже на лицо Гу Яня. Она не поверила бы, если бы ей сказали, что это не родной отец Гу Яня.

Просто все это время он не называл себя, а Гу Цзяо не стала поднимать эту тему.

Маркиз Гу: «То, что произошло сегодня ...»

Гу Цзяо прервала его: «Если ты пришел извиниться, то в этом нет необходимости, меня это не волнует».

Глаза маркиза Гу расширились: «Нет, я ... Как ты можешь так говорить? Есть ли еще кто-нибудь, кто бы также грубил старшим?»

Да, он действительно пришел сюда, испытывая чувство вины, но он был маркизом, как он мог извиняться перед этой деревенской девочкой?!

В мире нет неправильных родителей, разве она не знает?

Разве ее родители не учили ...

Кхм. Я и Яо Ши действительно не научили ее.

Гу Саньфан и Сюй Ши ушли рано и не успели обучить ее.

Я слышал, что раньше она была дурочкой, и только недавно оправилась от своей болезни.

Подумав об этом, маркиз Гу почувствовал, что нужно быть более снисходительным к ней.

Он подавил бушующий в нем гнев и сказал ей: «Я пришел к тебе, потому что мне есть что тебе сказать. Ты, возможно, неверишь мне, но ты ... и я ... мы ...»

Ух, почему это так трудно сказать?

Маркиз Гу в душе почувствовал беспокойство.

«Что я и ты?» Сколько бы Гу Цзяо ни ломала голову, она не могла придумать, какое отношение этот человек может иметь к ней. Но она, по крайней мере, прожила две жизни, каких только чудачков она не повидала: «У тебя же нет какого-то странного фетиша, из-за которого ты запал на меня?»

Хотя лицо ее выглядело уродливо, и сама она была крайне молода, но вкусы у некоторых мужчин были иногда такими извращенными.

Маркиз Гу пошатнулся и чуть не упал в колодец рядом с собой!

За кого принимает меня эта девушка? Как ты можешь так порочить своего собственного отца?

Вспыльчивый нрав маркиза Гу, который он с большим трудом подавлял до этого, вырвался наружу: «Ты вообще знаешь, кто я? Я твой ...»

.....

Четверть часа спустя маркиз Гу вернулся в карету, прихрамывая и с синяками на лице.

Хуан Чжун подошел к нему и остолбенел, увидев это: «Господин Маркиз, вас избили? Вас ведь не побила Молодая Госпожа? Неужели вы даже не можете победить Молодую Госпожу?»

Маркиз Гу взорвался и прорычал: «Верно, мы немного поспорили!»

Он никогда бы не признался в том, что действительно не смог победить ее!

Это было настолько жалкое зрелище, что Хуан Чжун не мог даже смотреть на него. Он следовал за Господином Маркизом более десяти лет, но никогда не видел его в таком плачевном состоянии.

Хуан Чжун спросил: «Почему Молодая Госпожа так сильно ударила вас? Разве Господин Маркиз не сказал ей, что вы ее отец?»

При упоминании об этом маркиз Гу пришел в еще большую ярость: «Как это я ей не сказал?»

Хуан Чжун был озадачен: «Тогда ... что вы сказали ей?»

Маркиз Гу с праведным негодованием сказал: «Я сказал ей, что я ее предок! Она заявила, что я оскорбил ее, а потом избила меня!»

И причем чрезвычайно жестоко!

Маркиз Гу с детства не терпел подобных обид.

Хуан Чжун: Почему бы вам было не сказать, что вы ее папаша*? Почему у вас язык повернулся

назвать себя «предком»?

.....

Избав маркиза Гу, Гу Цзяо отправилась домой со спящим маленьким Цзин Куном на руках.

Сяо Люлань был в отъезде. Он сдавал экзамен в столице провинции и должен был вернуться только в следующем месяце.

Внезапно в доме стало на одного человека меньше, и в нем, казалось, стало как-то тише.

На самом деле, в присутствии Сяо Люланя дома тоже было очень тихо, так как он большую часть времени проводил в своей комнате. Но, зайдя в западную комнату, Гу Цзяо почувствовал себя неудобно, когда не увидела, как обычно, молодого человека, сидящего за своим столом и читающего книгу.

Гу Цзяо уложила маленького Цзин Куна на кровать и укрыла его одеялом.

Затем она пошла на кухню, чтобы приготовить ужин.

Маленький Цзин Кун уже достаточно поел в городе, поэтому Гу Цзяо не стал его будить, а позвала только старушку в главный зал, чтобы поесть.

Гу Цзяо спросила: «А, Сяошунь не приходил?»

Гу Сяошунь каждый вечер возвращался в старую резиденцию семьи Гу только после того, как поужинает у них.

«Он сказал, что собирается остаться в академии на некоторое время», - сказала старушка, выживая из миски большой кусок тушеной свинины.

Когда Люлань и этот глупый мальчишка так далеко, даже тушеная свинина уже не доставляет мне такого удовольствия!

Гу Цзяо с любопытством спросила: «Почему он вдруг решил переехать жить в академию?»

Старушка ответила: «Я не знаю, но уехал он в большой спешке».

Гу Сяошунь испортил такой «отличный план» семьи Гу, а Гу Чанхай со своей женой и Лю Ши так его возненавидели, что хотели убить, поэтому он решил сбежать в академию, чтобы переночевать там.

В академию не пускали посторонних. Единственным членом семьи Гу, который мог войти туда, был Гу Дашунь. Последний чисто теоретически мог избить его, если бы обладал способностями, но, к сожалению, Гу Дашунь не обладал оными, а значит и не мог победить его!

«Завтра я пошлю ему немного серебра». Гу Цзяо беспокоилась, что у Гу Сяошуня не будет денег на еду.

«Я уже дала ему», - сказала старушка.

«Откуда у тебя серебро?» - спросила Гу Цзяо.

Когда старушка впервые вошла в их дом, она была очень бедной и не имела при себе ни одной монеты, не говоря уже о серебре.

На Новый год Гу Цзяо подарила старушке большой красный пакет, но там были банкноты.

Старушка проворчала: «Ты думаешь, я за просто так рассказываю людям пьесы?»

Гу Цзяо была ошеломлена. Так ты занялась бизнесом прямо здесь дома?

Старушка, не меняя выражения лица, продолжила: «А еще твои лекарства. Они тебе все равно не нужны, поэтому я продала их все».

Гу Цзяо странным голосом спросила: «Что за лекарства?»

Старушка ответила: «Лекарство от ножевых порезов! Ты уже несколько дней как варишь его дома, думала, я ничего не узнаю!»

Гу Цзяо: «О, ты знаешь это лекарство».

Она готовила это лекарство днем, когда Сяо Люлани не было дома. Хотя старушка оставалась в доме, она не думала, что последняя догадается, что это лекарство, которое она готовила, именно от ножевых ранений, поэтому она и не пряталась от глаз старушки.

Гу Цзяо была очень требовательна к лекарству и приготовила целую дюжину баночек, при этом себе оставив только три с наилучшей эффективностью.

Ей было все равно, что остальные баночки куда-то пропали. Она только предположила, что старушка просто выбросила их, но кто бы мог знать, что на самом деле она продала их частным образом?

Услышав манеру разговора старушки, Гу Цзяо подумала, что она, похоже, съела собаку в этом деле: "Ты раньше занималась подобным делом?"

"Ты говоришь о продаже лекарств? Ну, может быть! Однако то, что я продавала, не было лекарством от ножевых ранений, ну, я так думаю". Старушка вдруг задумалась и выудила название из своих немногочисленных воспоминаний: «Кажется, это был афродизиак».

Гу Цзяо: «...»

В более поздние времена было записано, что Императрица Сяньдэ** продавала афродизиак императорским наложницам и брала взятки, чтобы манипулировать Нефритовыми жетонами***.

«Не говори в моем дворце о чувствах, Император. Просто спи с той, кто больше заплатит!»

Примечание:

* - в кит.оригинале указаны разные степени обращения к отцу, одно как бы высокомерное именование себя самого – взяла предок (был еще вариант прародитель), второе - более простое, разговорное обращение к отцу выбрала – папаша (был еще вариант батя);

** - Сяньдэ - титул вдовствующей императрицы во времена ее правления;

*** - в приемной комнате Императора на небольшом столике находился «драконовый» ларец, в котором, разделенные на секции, стояли рядами нефритовые жетоны, на которых были выгравированы имена его наложниц (их могло быть несколько сот). Когда император делал выбор, он вынимал соответствующий жетон, ударял в настольный гонг и молча протягивал табличку вошедшему евнуху.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/1921623>